

18+

Дед мой был дворником!

Пётр Пахоменков.

2018 г.

Пётр Пахоменков

**Дед мой был дворником.
Юмористический рассказ**

«Издательские решения»

Пахоменков П.

Дед мой был дворником. Юмористический рассказ /
П. Пахоменков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936697-9

Книга «Дед мой был дворником» — это калейдоскоп смешных событий и диалогов, встроенных в единую сюжетную линию. Книга с иронией и юмором рассказывает о современной жизни обычных людей. Книга написана простым, доходчивым языком.

ISBN 978-5-44-936697-9

© Пахоменков П.
© Издательские решения

Содержание

Сначала был сон	6
За святой водой	8
Фигуновы	12
Старые штаны	16
Радиатор для тёщи	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дед мой был дворником
Юмористический рассказ
Пётр Пахоменков

© Пётр Пахоменков, 2019

ISBN 978-5-4493-6697-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала был сон

Дверь квартиры номер сорок восемь на втором этаже медленно со скрипом открылась, и на лестничную площадку осторожно вышел Семён. На стене он увидел рекламный листок, на котором крупными буквами было написано: «Хочешь много денег? Тогда держи карманы шире!». Сеня непроизвольно потянулся к карманам, но, как нарочно, в брюках, которые он одел, карманов не оказалось. Огорчённо покачав головой, молодой человек спустился на первый этаж и вышел из подъезда.

На скамейке у подъезда о чём-то оживлённо беседовали две симпатичные девушки.

– Эй, красавчик, – вдруг, позвала одна из них, с рыжими волосами, – присаживайся к нам, поболтаем!

– О чём? – настороженно спросил Семён.

– Да о чём хочешь. Хотя, о политике.

– Может, с вами ещё и в шахматы сыграть? – пошутил Сеня.

– А что, хорошая идея! – воскликнула другая девушка с чёрными волосами, и тут же достала откуда-то из-за спины небольшую шахматную доску с уже расставленными шахматными фигурами.

Семён с удивлением остановился.

– Ну что стоишь? – сказала брюнетка, – Приземляйся!

Семён присел рядом с брюнеткой.

– Только, чур, я белыми! – сказала она.

– Я не возражаю.

– А на что будем играть? – спросила брюнетка. – На раздевание или на щелбаны? Выбери!

– На щелбаны, – без какого либо интереса ответил Сеня.

– Ну, что ж, – воскликнула брюнетка, – тогда начали! – и тут же сразила ферзём чёрную пешку.

– Не понял! – с недоумением произнёс Семён.

– Что именно?

– Ферзь так не ходит! – возмутился молодой человек.

– Как это не ходит! Ферзь по-всякому ходит! – уверенно заявила брюнетка.

– А я говорю, не ходит! Что он, вертолёт что ли? Через пешку... Обалдеть можно!

– Ничего себе заявочки! – возмущённо пропела брюнетка и, повернувшись к подруге, пожаловалась. – Зин, ты слышишь?

– А ты конём сходи, и в дамки! – посоветовала рыжая.

– Придётся, – угрожающе сказала брюнетка.

– Э-э, э-э, какие ещё дамки? – забеспокоился Семён.

– А вот какие! – недобро произнесла брюнетка и, не дожидаясь ответного хода Семёна, выиграла конём ладью.

– А это ещё что? – раздражённо воскликнул Сеня. – Ну, уж нет, я так не играю!

– Сдаёшься? Тогда подставляй свой деревянный лоб!

– С какой стати! – опешил Сеня. – И почему это деревянный? Я, между прочим, на юридическом факультете учусь!

– А я на шахматном! – съязвила брюнетка и со всего маху щёлкнула Семёна пальцем по лбу.

Семён проснулся. Дотронувшись до лба, он встал с кровати, оделся и не спеша направился в ванную.

Проходя мимо кухни, где в это время его мама, Вера Матвеевна готовила завтрак, Сеня крикнул:

– Мам, с добрым утром!

– С добрым утром, – отозвалась Вера Матвеевна. – Как поспал?

– Нормально!

Умывшись в ванной комнате холодной водой, Семён вошёл на кухню.

– Кашу овсяную будешь? – спросила Вера Матвеевна.

– Буду.

Семён сел за стол. Вера Матвеевна наложила ему тарелку овсяной каши и налила чаю.

– Сеня, ты не забыл, что мы сегодня едем к твоей любимой бабушке? – спросила Вера Матвеевна.

– Да разве такое забудешь! – усмехнулся Семён.

– Сынок, у меня к тебе просьба! Как покушаешь, сходи, пожалуйста, в церковь за святой водой! Я бабушке обещала!

– Мам, да ты что! – разочарованно произнёс Сеня. – Там же одни старушки!

– С чего ты взял? – возразила Вера Матвеевна. – В церкви и молодых много. А заодно и помолишься.

– Интересно, о чём?

– Как о чём? Тебе разве нечего попросить? У тебя, между прочим, экзамены скоро!

– Мам, ну, ты скажешь тоже! Представляю, как все святые бросятся писать мне шпаргалки!

– Тогда попроси прощения за грехи.

– А какие у меня грехи?

– У каждого человека есть грехи. Вот ты подумал о ком-то плохо – уже грех!

– Да как же мне не думать плохо о тех, кто этого заслуживает?

– А вот так! Не твоё это дело, судить других. Ну, сходи, Сенечка! Ну, пожалуйста!

– Ну, ладно, схожу, – уныло произнёс Семён.

Закончив с кашей, Сеня выпил чай и прошёл в прихожую.

– А во что мне воду набрать? – спросил он.

Вера Матвеевна положила перед Семёном пакет с пластиковой двухлитровой бутылкой.

– Вот. Я уже всё приготвила.

Переобувшись, Семён взял пакет с бутылкой и посмотрел в дверной глазок. За дверью он увидел, прикрепленный к стене, рекламный листок.

– Мам, а сны сбываются? – поинтересовался Сеня.

– Некоторые сбываются. А что?

– Да так, ничего, – задумчиво произнёс Семён и, нащупав в брюках карманы, добавил. – Ну, ладно, я пошёл.

– Иди, Сенечка, иди! Только аккуратней!

За святой водой

Семён вышел на лестничную площадку и тут же уткнулся в, приклеенный на стене, листок. Бумажка молчаливо огрызнулась: «Всем должникам срочно оплатить коммунальные услуги!».

– Ну, надо же! – возмутился Сеня. – Ведь только недавно в подъезде ремонт сделали, и опять уже все стены обклеили.

Спустившись на первый этаж, молодой человек настороженно остановился перед подъездной дверью. За дверью отчётливо слышались женские голоса.

Сеня взволнованно приоткрыл дверь и устремил свой взгляд в дверной проём. Однако к его разочарованию на скамейке вместо симпатичных девушек сидели две пожилые соседки пенсионного возраста. Заметно погрузневший, юноша вышел из подъезда. Женщины поздоровались с ним, а одна спросила:

– А что это ты, Сенечка, такой грустный? Не приболел ли?

– Нет, не приболел, – ответил Семён.

– Так присаживайся к нам, поболтаем о чём-нибудь.

– О чём? – насторожился Сеня.

– Да о чём угодно. Хоть, о политике.

Семён смущённо взглянул на пенсионерок.

– Извините, но мне некогда, я тороплюсь, – коротко бросил он и, не останавливаясь, прошёл мимо.

– Ну, торопись, торопись, красавчик, – вдруг прозвучал знакомый голос из-за спины. – Мы тоже когда-то торопились.

Настроение у Сени было плохим. Он чувствовал какое-то патологическое невезение в своей жизни. Даже девушки, которые попадались ему по пути, и те, как нарочно, были не в его вкусе. Так и шёл он печальный и отрешённый, пока не дошёл до церкви. И, вдруг, в отражённых лучах от позолоченного купола, он увидел красивую девушку в светлом платке и с ангельским выражением лица. Семён с первого взгляда влюбился в прекрасную незнакомку, но девушка, встретившись с ним взглядом, лишь быстро перекрестилась и сразу же отвернулась, словно увидела перед собой не молодого симпатичного парня, а самого чёрта.

Такое развитие ситуации несколько обескуражило Семёна, но он не отчаялся и решил привлечь к себе внимание незнакомки с помощью благородного поступка.

Вынув из кармана горсть мелочи, юноша подошёл к, просящим подаяние, нищим и принялся раздавать им деньги. Нищие в ответ благодарили его и приговаривали: «Дай бог тебе здоровья, добрый человек! Дай бог тебе счастья!»

«Ну, чем не положительные рекомендации?» – с удовлетворением подумал Семён, чувствуя на себе взгляд незнакомки.

И вдруг случилось непредвиденное. Доставая из кармана очередные монеты, Сеня случайно зацепил пальцем пятисотрублёвую купюру, которая тут же спланировала из его кармана в, лежащую на земле, кепку безногого инвалида. От неожиданной неприятности у Семёна вырвался возглас сожаления. Рука его непроизвольно дёрнулась за купюрой, но инвалид оказался на удивление проворней. Он быстро выхватил из кепки пятисотку, и без промедления засунул её себе за пазуху.

– Дай бог тебе здоровья, добрый человек, – сказал инвалид.

– И вам того же, – пробормотал растерянно Семён, с сожалением провожая взглядом свои деньги. В этот момент его охватили смешанные чувства. Пятьсот рублей ему и самому

были нужны, но требовать назад у несчастного калеки подаяние он посчитал для себя неприемлемым.

– Ладно, – подумал Сеня, – пусть у этого несчастного сегодня будет праздник. Может это единственный удачный день в его жизни. Да и странно всё это. Никогда я раньше деньгами так не разбрасывался, а тут, на тебе, расщедрился. Конечно, не по своей воли, но именно это и странно.

Семён огляделся. Никто из находившихся рядом людей не обращал на него никакого внимания, а прекрасная незнакомка уже входила в церковь.

Не раздумывая более, Семён поспешил за девушкой. Набрав в притворе бутылку святой воды и, пожертвовав сто рублей на нужды церкви, Сеня присоединился к молящимся прихожанам. Среди них он сразу же увидел свою возлюбленную. Она, по-прежнему, не обращала на него никакого внимания, и лишь смиренно кланялась и крестилась.

– А ведь и мне есть о чём попросить Бога, – спохватился Сеня и тоже перекрестившись, забормотал перед иконой: «Господи, вы уж меня извините за мои грешные мысли, но честное слово, я не виноват. Это всё они, люди подлые, озлобляют меня и вынуждают плохо о них думать. А сам я очень добрый и хороший. Даже муху не обижу. Господи, помогите мне хоть чуть-чуть. Счастья у меня нет, а мне бы хоть самую малость. Если вам не трудно, Господи, помогите мне познакомиться вон с той красивой девушкой, что у иконы вашей мамы стоит. Уж очень она мне понравилась. Вдруг, это и есть моё счастье. А я в свою очередь обещаю вам вести себя хорошо и о других плохо не думать».

Для убедительности своих намерений, Семён ещё раз перекрестился и поставил перед иконой свечку. Но тут он заметил, что незнакомка, не дожидаясь конца службы, направилась к выходу.

– Господи, простите меня, – поспешно забормотал Семён, – но я вынужден покинуть ваш благословенный дом и снова вернуться в человеческое болото.

Семён аккуратно просочился через толпу молящихся прихожан и последовал за девушкой.

На улице он шёл за ней буквально по пятам, будучи уверенным, что незнакомка его не видит. Однако около автобусной остановки, девушка остановилась и обернулась.

– И долго ты будешь за мной ходить? – спросила она Семёна.

Семён растерялся. Он не ожидал, что такая божественная красавица первой заговорит с ним.

– Неужели бог услышал мою просьбу, – с волнением подумал Сеня, – Спасибо тебе, Господи!

Между тем, незнакомка снова спросила:

– Что молчишь? Влюбился что ли?

Семён смутился ещё больше, но так как врать он не умел, то ответил честно.

– Да.

– Тогда давай знакомиться, – деловито произнесла девушка, снимая с головы платок. – Меня зовут Бренда. А тебя?

– Меня, Семён.

– И что же ты, Семён, хочешь мне предложить?

Немного подумав, Семён тихо сказал:

– Может, в кино сходим?

– Очень оригинальное предложение. Всю жизнь об этом мечтала, – усмехнулась Бренда.

– Но почему ты об этом говоришь с иронией? – растерянно пробормотал влюблённый юноша.

– Видишь ли, Сеня, последний раз мне предлагали сходить в кино в восьмом классе. Но мы ведь уже давно не школьники!

- А что же тогда?
- Поехали лучше ко мне, – предложила девушка. – У меня сейчас дома никого нет.
- То есть как к тебе? – удивился Семён. – Разве можно вот так сразу?
- Почему, нет?
- А что мы будем у тебя делать?
- То же самое, что и в кино. Заниматься любовью.
- Любовью! – содрогнулся Семён.
- А чем же ещё? Ну, не телевизор же ты ко мне приедешь смотреть? Верно?
- Верно, – тихо произнёс Семён.
- Тогда в чём проблема? Или ты импотент?
- Нет, я нормальный, просто мне по-другому представлялось наше знакомство!
- Интересно, и что же ты на мой счёт напредставлял?
- Когда я смотрел на тебя в церкви, я думал, что ты такая!.. Как бы это поточней выразиться... Идеальная, что ли!
- А-а, так это в церкви, а в жизни я, как и все. И беру недорого. Всего три тысячи за час. Семён на мгновение остолбенел.
- Что-то я не соображу. Какие три тысячи? – наморщив лоб, спросил он.
- Обыкновенные. По тарифу за интимные услуги три тысячи за час. Что тут непонятного?
- Подожди, так ты что? Эта что ли? Женщина по вызову?
- Можно и так сказать.
- Ничего себе, я подарочек выпросил! – не скрывая разочарования, произнёс Семён.
- Я не поняла, ты что, отказываешься? – спросила Бренда.
- Не совсем, – замялся Семён. – Просто у меня трёх тысяч с собой нет. А то, что было, я у церкви нищим раздал.
- А какого же рожна ты за мной попёрся?
- Понравилась ты мне, вот и попёрся.
- Понятно, ты просто забыл, что за всё нужно платить. Но я, в отличие от тебя, нищим не подаю. Будут деньги, будет тебе и любовь, – Бренда протянула Семёну свою визитку. – А пока возьми мою визитную карточку, и не забывай, что воздержание для мужчин отрицательно сказывается на их здоровье.
- Семён взял визитку и вслух прочитал: «Волотильнова Бренда Трендовна».
- Спасибо! – поблагодарил он и, положив визитку в карман, спросил. – А почему так дорого?
- Теперь уже девушка с недоумением посмотрела на своего потенциального клиента.
- Дорого? Ну, ты и нахал! – возмутилась она.
- Я нахал?
- Ну не я же. А тебе известно, какой это тяжёлый труд быть с утра до вечера красивой? А сколько времени и средств на это приходится тратить, ты знаешь?
- Нет, не знаю, – честно ответил Семён.
- А раз не знаешь, так и нечего глупые вопросы задавать.
- Хорошо, больше не буду. Но один неглупый можно?
- Неглупый можно. Только побыстрее, а то моя маршрутка подъезжает.
- А ты в церковь-то, зачем ходила?
- Как зачем? Затем же, зачем и все! – усмехнулась Бренда и, вскочив в подъехавшую маршрутку, крикнула:
 - Грехи замаливала!
- Проводив её грустным взглядом, Семён с разочарованием произнёс: «Опять мираж».
- Развернувшись, Сеня неспешно поплёлся обратно, но, проходя мимо церковных ворот, он случайно увидел того самого безногого инвалида, которому ни за что ни про что отвалил

пятьсот рублей. Только теперь этот инвалид уверенной походкой вышел из церковных ворот, подошёл к дорожному автомобилю, сел в него и уехал.

«Что за чудо! – удивился Семён. – Это ж, сколько надо молиться, чтобы так выздороветь?»

Озадаченный увиденным, Сеня подошёл к месту, где инвалид просил подаяние. Поначалу ничего подозрительного он не заметил; лишь деревянный ящик, да большая тряпка остались лежать на земле. Но стоило Семёну приподнять тряпку с земли, как его глазам сразу же открылась вся подноготная с чудесным исцелением. Под тряпкой зияли две аккуратно выкопанные ямки.

«Так вот, откуда ноги выросли!» – догадался Семён.

Фигуновы

Экстрасенс Иннокентий Фигунов усердно жестикулировал руками перед пышногрудой пациенткой, сидевшей у него в комнате в мягком кресле.

– Я вижу у вас песочек в почках, – произнёс он обеспокоенно. – Сейчас я его вымою мощной энергетической волной. Закройте глаза и расслабьтесь.

Пациентка закрыла глаза. Экстрасенс включил, спрятанный под столом электронагреватель и, выхватив из тарелки кусок колбасы, энергично зажевал.

– Вы чувствуете, как тепло распространяется по вашему телу? – пробормотал он невнятно.

– Что? – переспросила пациентка.

С трудом проглотив остатки колбасы, Иннокентий повторил:

– Я спрашиваю, вы чувствуете, как тепло распространяется по вашему телу?

– Да, чувствую, – сказала женщина. – Мне даже жарко становится.

– Очень хорошо, – констатировал Иннокентий, уставившись на пышную сексуальную грудь пациентки. – Это свидетельствует о том, что энергетическая волна эффективно освобождает ваше тело от шлаков и болезней. Я уже вижу, как ваши почки становятся чище и здоровее.

Помахав усердно руками над грудью пациентки ещё пару минут, Фигунов устало выдохнул:

– Всё, выходим из расслабленного состояния. На сегодня хватит. Половина песка ушла, а над оставшейся частью я поработаю в следующий раз.

Пациентка открыла глаза и с облегчением произнесла:

– Спасибо доктор. Я чувствую, что мне стало гораздо лучше. А когда следующий сеанс?

– Через два дня в это же время.

Женщина достала из сумки две тысячи рублей и положила их на стол.

– Спасибо вам большое.

– И вам спасибо! – скромно произнёс Иннокентий.

Проводив клиентку, Фигунов снова вернулся в свою комнату, выключил электронагреватель и вышел на балкон. На балконе он увидел, увлечённого чем-то сына Витю.

– Эй, юное дарование, ты что тут делаешь? – спросил он. – Опять за кем-нибудь подсматриваешь?

Вопрос отца не был праздным. Дело в том, что Витя очень любил снимать на видеокамеру всякие происшествия и посылать их на телевидение. Несмотря на свои восемь лет он уже настолько поднаторел в скрытой видеосъёмке, что его можно было вполне считать профессиональным видеорепортёром остросюжетных происшествий. Да и по натуре своей Витя был просто чрезвычайно любопытен. Вот и сейчас, сидя на балконе, юный оператор занимался своим любимым делом. О чём он и сообщил отцу:

– Пока видеокамеру прикрепляю.

Иннокентий посмотрел на улицу.

– А что тут интересного?

– Пока ничего, – буркнул сынишка.

– Что, значит, пока? – насторожился отец.

– Ну, ты же сам говорил, что всё течёт, всё изменяется.

– Ну, говорил. Кстати, а где твоя скрытая видеокамера, которую тебе мама сдуру на день рождения подарила?

– Не знаю. Где-то в комнате.

– Так, – настороженно произнёс Иннокентий, – пойдём, покажешь.

– Ну, пап! – жалостливо заскулил Витя.

- Пойдём, покажешь, – потребовал отец.
Заметно погрузнев, Витя прошёл в комнату и пальцем показал на шкаф.
– Вон она лежит.
Отец подошёл к камере.
– Она не лежит, – возмущённо произнёс он. – Она записывает.
Иннокентий шлёпнул сынишку ладошкой по затылку.
– А ну-ка, давай удаляй всё, что ты тут записал во время моего сеанса!
Почесав рукой затылок, Витя подчинился.
– И в кого ты такой оболтус растёшь? – выругался отец.
На шум в комнату вошла мама.
– Опять конфликт поколений? – спросила она.
– Нет, это не конфликт поколений, это гораздо хуже! – пожаловался Иннокентий. – Полюбуйся на своё создание! Он уже за отцом шпионит! Если бы я не обнаружил его видеокамеру, наверняка бы мой сеанс в интернет выложил.
– Ничего я не шпионил! Я её просто положил на шкаф и всё, – попытался оправдаться Витя.
– На шкаф положил! А зачем ты её включил?
– Случайно. Я не научился ещё ей пользоваться.
– Так я тебе и поверил.
– Иннокентий! – воскликнула Надежда, – Ну что ты из-за какой-то видеокамеры ребёнка обвиняешь чёрт знает в чём! Это уму непостижимо.
– А моему уму это постижимо. Если наш сын в восьмилетнем возрасте начинает устанавливать скрытые видеокамеры по всем углам, то что с ним будет дальше? И что будет с нами?
– Не преувеличивай! Ребёнок всего лишь мечтает стать кинооператором и решил поиграться с видеокамерой, а ты уже нафантазировал себе невесту что.
– Защищай, защищай этого кинооператора. Не увидишь как, окажешься на каком-нибудь непристойном сайте в интимной сцене. Нет, тут надо решительно что-то предпринимать. Слушай, а что если нам этого оператора в танцевальный кружок записать? Пусть там свою энергию тратит.
– Я не смогу танцевать, – хмуро отозвался Витя.
– Почему?
– У меня слуха музыкального нет.
– Тогда в кружок изобретателей. Там музыкального слуха не требуется. Будешь ракеты космические придумывать.
– А в кружок изобретателей принимают с одиннадцати лет. А мне только восемь.
– Восемь, восемь, – передразнил отец, – а вреда от тебя, как...
Договорить глава семейства не успел. В дверь позвонили.
– Это наверно опять к тебе, – предположила Надежда.
Иннокентий прошёл в прихожую, открыл дверь. На пороге стоял пожилой мужчина.
– Здравствуйте, – вежливо произнёс гость. – У вас здесь на двери написано «Экстрасенс Фигунов». Это вы?
– Да я. Вы по поводу лечения?
– Да, по поводу. Болезни меня всякие одолели; и сердце болит и желудок и голова...
– Что ж, проходите, посмотрим.
Иннокентий пригласил мужчину в комнату, усадил его в кресло, а сам начал подготавливаться к сканированию.
– Как у вас комфортно, – сказал пациент. – Чувствуется позитивная энергетика!

– Да, я стараюсь, чтобы мои клиенты чувствовали себя, как дома, – похвалился экстрасенс, затем строго посмотрел на сына, который всё ещё стоял в комнате и сердито произнёс. – А ну-ка, оператор, иди, погуляй!

Витя, нахмурившись, снова вышел на балкон.

– Прошу вас, закройте глаза, – попросил Иннокентий пациента.

Мужчина закрыл глаза. Уставившись на него пронзительным взглядом, и, прощупывая его своими всевидящими ладонями, экстрасенс несколько раз произнёс свои магические фразы:

– Расслабляемся и ни о чём не думаем... Расслабляемся...

Иннокентий снова включил электронагреватель.

– Вы чувствуете тепло? – спросил он.

Мужчина не ответил. Иннокентий повторил свой вопрос, но мужчина снова не отреагировал.

– Эй, товарищ, вы меня слышите?

Иннокентий взял пациента за руку. Пульс прощупывался, но крайне слабо. Испугавшись, Иннокентий выбежал в комнату к жене.

– Надя, у меня проблема! Пациент уснул и не просыпается.

– Как не просыпается? – заволновалась Надежда. – Только этого нам не хватало! Может, скорую вызвать?

– Ты что, с ума сошла! Какая скорая! У меня же нет лицензии!

– Что же тогда делать?

– Не знаю.

– Ну, попробуй ещё раз его разбудить! Потряси за плечо, покричи над ухом!

– Может мне перед ним ещё сплясать? – иронично произнёс Иннокентий, но затем, подумав, сказал:

– Ладно, попробую ещё раз.

Супруги вместе вернулись в комнату к пациенту. Иннокентий взял пациента за плечи и начал его трясти.

– Эй, просыпайся! Слышишь, просыпайся!

Мужчина по-прежнему не реагировал.

– Ну, вот видишь! – беспомощно развёл руками Иннокентий.

– Кеша, – испуганно произнесла Надежда, – а может, он умер?

– Тяпун тебе на язык?

– Что же делать?

В этот момент в комнату с балкона просунулась голова Вити.

– А давайте его с балкона сбросим? – предложил он.

Уснувший мужчина вздрогнул и простонал.

– Да ты что, сынок! – испуганно воскликнула Надежда Матвеевна. – Он же живой!

– А ну, брысь отсюда! – рявкнул на сына Иннокентий. Затем, повернувшись к жене, сказал:

– Я знаю, что делать!

– Что?

– Нужно его из квартиры вынести.

– Куда?

– Да хоть в подъезд. Пусть там спит. А ну-ка, бери его за руки, а я за ноги.

– Кеша, я боюсь.

– А ты не бойся.

Иннокентий стянул пациента на пол и сердито шикнул на жену:

– Ну, что стоишь?

Ухватив брезгливо мужчину за конечности, супруги потащили его в подъезд.

– Кеша, у меня руки от такой тяжести отрываются! – застонала Надежда.

– Потерпи, осталось немного.

Наконец, Иннокентий и Надежда донесли бывшего пациента до окна и положили его на пол.

– А теперь сматываемся, – озираясь по сторонам, прошептал Иннокентий.

Супруги бегом вернулись в квартиру. Захлопнув за собой дверь, они прошли в комнату и, тяжело дыша, уселись на диван.

– Как ты думаешь, – спросила Надежда, – нас не арестуют?

– А тебя-то за что?

– За соучастие.

– Не переживай, я тебя не выдам.

– А ведь нам сегодня к родителям ехать, – вздохнула Надежда.

– Раз надо, значит поедем. Вызовем такси и поедем. Деньги у нас есть...

Иннокентий просунул руку в карман, вынул оттуда несколько купюр, пересчитал их, затем резко поднялся и подошёл к столу.

– А где две тысячи? – спросил он.

– Какие две тысячи? – не поняла Надежда.

– Ну, те, которыми со мной пациентка расплатилась. Они на столе лежали, а теперь их здесь нет. Ты не брала?

– Нет, – с недоумением ответила Надежда.

– Виктор, – крикнул Иннокентий сыну, – ты деньги со стола не брал?

– Нет! – отозвался Витя с балкона, и, заглянув в комнату, предположил:

– Их наверно этот мужик уснувший спёр!

Иннокентий быстрым шагом направился к двери. Надежда засеменила за ним. Вместе они снова вышли на лестничную площадку, затем поднялись к окну, около которого положили уснувшего пациента, но там его... уже не было.

– Вот, сволочь! – мрачно изрёк Иннокентий. – Ловко же он меня провёл. Это ж надо было такой спектакль разыграть! Пока я к тебе в комнату ходил, он прикарманил мой гонорар. Ворюга!

– А мы-то ещё этого борова на себе тащили, – пожаловалась Надежда. – У меня до сих пор рука болит.

– Ладно, чего теперь здесь стоять! – подытожил Иннокентий. – Пойдём домой!

Вернувшись в квартиру, супруги немного успокоились.

– А знаешь, – сказала Надежда, – с одной стороны деньги жалко, а с другой, у меня теперь на сердце полегчало.

– С чего это, вдруг?

– Ну как с чего? Арестовывать-то нас теперь не за что и ты можешь дальше спокойно заниматься лечением.

– Да, ты права, – согласился Иннокентий. – Деньги – дело наживное. Только впредь мне надо быть повнимательней с этими пациентами.

Старые штаны

Выйдя на пенсию, Матвей Захарович Воробьёв скучал недолго. Обнаружив в себе талант к сочинительству, он тут же с головой окунулся в атмосферу рифм и творческих изысканий.

Стихи давались ему легко. Слово за словом, строчка за строчкой и вскоре увесистый поэтический багаж новоиспечённого поэта разлетелся по интернету во всех социальных сетях.

Но, однажды, отложив в сторону, изрядно надоевшую лирику, Захарыч решил написать стихотворение о себе. Название к стихотворению он придумал быстро: «Биография поэта». Первая строчка тоже далась ему легко, и тут же отпечаталась красивым шрифтом на ярком экране:

«Во как!» – радостно крикнул Захарыч, вполне удовлетворённый таким оригинальным началом.

Не мешкая, он сразу же задумался над следующей строкой, которая по замыслу автора должна была поведать читателю уже о самом поэте. Но тут поэт наморщил лоб, затем почесал затылок и обречённо выдохнул, как сдувшийся воздушный шарик.

«Вот, блины горелые, – заворчал Захарыч. – Жизнь прожил, а вспомнить нечего!»

Перебирая в памяти прожитые годы, он ещё раз попытался облачить в рифму хоть какой-нибудь эпизод из своего прошлого, но так ничего и не облачил.

«Вот она, проза жизни, в поэзию-то и не укладывается», – с горечью произнёс Захарыч и, взглянув в бесконечное голубое пространство вселенной, жалостливо позвал: «Муза, муза! Где же ты, моя красавица?»

В ответ из-под стола мяукнула кошка, которую жена Антонина Григорьевна в усмешку над мужем назвала Музой.

«Да не ты! – прикрикнул на кошку Захарыч. – Брысь!»

Кошка испуганно шмыгнула под кровать и затихла, а Захарыч снова забормотал:

«А что я всю жизнь? Ел, да спал, да на почте чужие посылки перелопачивал. В общем, ничего героического не совершил, никаких научных открытий не сделал, спортивных рекордов не поставил. Вот так!» – подытожил Захарыч и с обидой в голосе произнёс:

Но тут лицо его заметно просветлело.

«А почему бы и нет! – обрадовался он. – Да, я не совершил ничего великого. Но в этом-то и кроется трагический смысл моего произведения. В обыденности существования. А на это, между прочим, не каждый, способен. Это вам не рекорды ставить. Здесь тоже героизм нужен. Чтобы вот так пренебрежительно бросить свою жизнь в топку времени и сказать: „А ну вас всех к лешему“, и сгинуть в глубинах истории, как неизвестный солдат. И ведь какая драма вырисовывается! Какая беспросветная тоска! Аж, за душу берёт! Ой!»

Захарыч вытер нахлынувшую слезу.

«Вот она, судьба поэта!»

Разволновавшись, он взял со стола конфету, сунул её в рот, и тут же вообразил себе полный зал восхищённых читателей. Ну, и, конечно же, любимую жену свою Антонину, которая со слезами на глазах выходит к нему из зрительного зала и восклицает:

– Матвей, ты опять сладкое ешь?

Захарыч вздрогнул и обернулся. В творческом процессе он и не заметил, как в комнату вошла жена. Антонина Григорьевна с возмущением смотрела на полупустую тарелку на его столе и продолжала возмущаться:

– Ну, дай же своему желудку хоть немного отдохнуть! Ведь ты скоро в дверь не пролезешь!

– Сам не пойму, как я эту конфету в рот положил, – попытался оправдаться Захарыч, но видимо неудачно.

Антонина Григорьевна в невиновность мужа не поверила.

– Как же это можно положить в рот, не заметив, что? – пристыдила она мужа. – А если б ты туда гайку грязную положил? Что б тогда?

– Не знаю. Но подозреваю, что мой желудок живёт отдельной от меня жизнью. Пока я занимаюсь творчеством, он жрёт, что попало.

– Значит, желудок твой виноват? Может, мне с ним тогда разговаривать, а не с тобой?

– Сомневаюсь, что он тебя поймёт.

– А вот я посажу его и тебя на диету, тогда сразу поймёт.

– Да ты что! – забеспокоился Захарыч. – На диете я долго не протяну, а мне сегодня ещё в городскую администрацию надо сходить.

– Зачем?

– Как зачем! За наградой. Ты что забыла, что я на городском поэтическом конкурсе третье место занял? Ну, помнишь, я им ещё своё стихотворение по интернету послал?

– Не помню.

– Вот ты всегда так, – возмутился Захарыч. – Всякие мелочи помнишь, а важные события забываешь.

– Тоже мне, важное событие! – усмехнулась Антонина Григорьевна. – И какую они тебе там награду дадут? Какую-нибудь бумажку, на которой будет написано, что какой-то там... чудак занял третье место! Вот если бы они тебе денег дали!

– Ты ничего не понимаешь, – парировал Захарыч. – Тут главное не деньги, а внимание.

– Что ж, если тебе моего внимания недостаточно, тогда иди! – с некоторой долей обиды произнесла Антонина Григорьевна. – Только не забудь штаны поприличней одеть, а то эти только для огородного чучела и годятся. Когда уже ты их выбросишь?

– Никогда! – категорично заявил Захарыч. – Они мне удачу приносят. Я в них все свои лучшие произведения написал. А в новых штанах меня вдохновение не узнаёт.

Антонина Григорьевна усмехнулась.

– Да оно тебя и в старых не узнаёт.

– Ну, это мы ещё посмотрим. Вот послушай лучше моё новое стихотворение. Я его только начал писать.

Антонина Григорьевна устало вздохнула.

– Ладно, только побыстрей, а то скоро дети приедут, а у меня ещё борщ не сварился.

Захарыч прокашлялся и торжественно изрёк:

– Ну, как название? *Биография поэта...*

– Название, как название. Где-то я его уже слышала.

– Слышала, слышала! – рассердился Захарыч. – Я ж не один пишу стихи, поэтому и слышала.

– Ну, хорошо, давай дальше.

– Итак, «Биография поэта»...

– Что скажешь?

– И это всё? – с недоумением спросила Антонина Григорьевна.

– Пока всё. Я же говорил, что это только начало. Ну, так как?

– Да, никак. Ерунда какая-то.

– Почему это ерунда? – расстроился Захарыч.

– Да, потому что на дворе уже двадцать первый век. Кругом компьютеры, люди в космос летают, а ты, видишь ли, ямщиком на лошади почту развозишь. Не смейся людей!

– Чудная ты, ей-богу. Это ж я образно, – запротестовал Захарыч. – У тебя что, воображения нет?

– Есть у меня воображение. Но ведь ты биографию пишешь, а не сказку, и значит, должен писать так, как было на самом деле, а не воображать.

Захарыч задумался. Критика жены показалась ему убедительной.

– Ты лучше вот так напиши, – немного подумав, сказала Антонина Григорьевна:

Захарыч с удивлением посмотрел на супругу.

– А знаешь, пожалуй, ты права.

– Я всегда права, – гордо объявила Антонина Григорьевна. – Только не забудь ещё добавить, что служил ты на своей почте за копеечную зарплату и провалялся всю жизнь на диване перед телевизором.

– Добавлю, если не забуду. Ты мне лучше скажи, где мои новые штаны?

– Да вон они на диване валяются, – махнула рукой Антонина Григорьевна. – Тоже, наверно, отдельной от тебя жизнью живут.

В комнату заглянула младшая дочь Воробьёвых, Мария.

– Мам, – крикнула она в комнату, – у тебя борщ всю плиту залил.

– Ой! – воскликнула Антонина Григорьевна. – Мой борщ! Ну, стоит только на минутку отлучиться, и на тебе!

В это же мгновение Антонина Григорьевна хлопнула мужа по руке, которая, воспользовавшись суматохой, потянулась к конфетам.

– Хватит на сегодня сладкого! – воскликнула Антонина Григорьевна и, выхватив со стола тарелку с конфетами, побежала на кухню. Мария тоже хотела последовать за матерью, но отец её остановил.

– Маша!

– Что?

– Зайди на минутку!

– Зачем? – насторожилась Мария.

– Зайди, узнаешь, – настойчиво произнёс Захарыч.

Мария с явным неудовольствием вошла в комнату.

– Опять что-нибудь сочинил? – пробурчала Мария. – Пап, у меня итак дел полно.

– Да не тарахти ты. Никуда твои женихи не денутся. Присядь-ка лучше вот сюда.

Захарыч пододвинул дочке стул, и когда она присела, с важным видом произнёс.

– Вот послушай! Биография поэта!

– Ну, ёпэрэсэтэ! – простонала Мария. – Я так и знала!

– Цыц! – прикрикнул на дочь Захарыч. – Мне твоё мнение важно узнать! Понятно?

– Понятно!

– Тогда слушай:

– Ну как?

– А это всё?

– Пока всё.

Мария с облегчением выдохнула.

– А я-то думала, ты мне поэму решил прочитать.

– Ну, а мнение твоё какое?

– Положительное! Отлично написано! А главное коротко и ясно.

– Ты что, смеёшься?

– Ничего я не смеюсь. Сам ведь как-то маме говорил, что краткость – это сестра таланта!

– Ну, это я ей говорил, когда она мне о вреде сладкого лекцию читала. Ты же знаешь, если она об этом начнёт высказываться, то её не остановишь.

– Знаю. Но у тебя, правда, хорошо получилось. Пап, ты у нас просто гений! Ну, я пойду, а-а?

– Ладно, иди, – махнув рукой, пробурчал Захарыч.

«Дед мой был дворником, папка колхозником...»

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же... Я же всю жизнь... Я же всю жизнь...»*

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же всю жизнь ямщиком прослужил...»*

*«Дед мой был дворником, папка колхозником,
Я же всю жизнь ямщиком прослужил...»*

*«Дед твой был дворником, папка колхозником,
Ты же на почте всю жизнь прослужил.»*

*«Дед мой был дворником. Папка колхозником,
Я же на почте всю жизнь прослужил...»*

Радиатор для тёщи

Семён вернулся домой уставшим и задумчивым.

– Почему так долго? – спросила Вера Матвеевна.

– Блуждал по миру и думал о жизни, – шутя, ответил Сеня.

– Ох, сынок, – вздохнула Вера Матвеевна, – ты бы лучше поменьше думал, да побольше учился.

Семён усмехнулся.

– Мам, у тебя, что не слово, то шедевр. Как же можно учиться не думая?

– Очень просто. За тебя уже давно обо всём подумали, а тебе осталось только это выучить... Воду принёс?

– Принёс.

Сеня передал матери пакет. Вера Матвеевна поцеловала сына.

– Спасибо, Сенечка!

Семён переобулся и прошёл в свою комнату.

– Мам, а ты что мне на день рожденья подаришь?

– Как и договаривались, куртку. Ты же сам просил. Или уже передумал?

– Передумал.

– А что же ты хочешь?

– Три тысячи.

– Зачем тебе три тысячи?

– Чтоб поменьше думать, – усмехнувшись, ответил Семён.

– Ну, хорошо, подарю тебе на день рожденья три тысячи.

– Спасибо!

В прихожей скрипнула дверь. На пороге с водяным радиатором на плече появился глава семейства, Василий Юрьевич.

– А почему меня никто не встречает? – громко спросил он.

– Да ты и до нас уже с кем-то навстречался, – с укором произнесла Вера Матвеевна и, кивнув на железяку, спросила. – А это что?

– Это радиатор для водяного отопления. Я тёщи обещал привезти.

Василий прошёл в комнату и бережно опустил радиатор на стол.

– Стой! – скомандовала Вера Матвеевна.

– Что? – с недоумением спросил Василий.

– Подними руки!

Глава семейства поднял вверх руки.

Вера Матвеевна подошла к мужу, безапелляционно похлопала его по карманам и, словно фокусник, выудила из заднего кармана несколько денежных купюр.

– Почему так мало? А ну, дыхни!

Василий Юрьевич дыхнул. Вера Матвеевна скривилась и замахала перед носом рукой.

– Опять в пиво конвертировал? И как тебе только нравится эту гадость пить! – сердито произнесла Вера Матвеевна.

– Верочка, да я же целую неделю только чай пил. Имею я право хоть в конце недели расслабиться после ночного дежурства? – примирительно произнёс Василий и тут же обратился к сыну. – Семён, а ты почему молчишь? Почему отца не защищаешь? Я тебя для чего на юриста послал учиться?

– А мы бытовые конфликты ещё не проходили, – с неохотой ответил Семён.

– Ну, всё, Вася, сливай воду! – развёл руками Василий Юрьевич. – Значит, опять я виноват. Тогда прошу суд исполнить моё последнее желание! Напишите на моём скромном маленьком памятнике большими буквами: «Здесь покоится прах самого виноватого в мире человека!»

– Рано тебе, пап, ещё об этом думать, – усмехнулся Семён. – Кроме того, на Руси и без тебя виноватых хватает.

– Эх, с вами каши точно не сварить, – махнул рукой Василий.

– Сварила уже, – сказала Вера Матвеевна, – пойдёмте кушать, да будем собираться к твоей любимой тёще.

– Начинайте без меня, – устало произнёс Василий. – Я пока переоденусь.

Но, как только Вера Матвеевна и Семён вышли из комнаты, Василий тут же достал из шкафа стакан и поставил его под радиатор.

– Сливай воду, – радостно прошептал он и открыл вентиль. Из радиатора полилась приятная на вид пивная струйка. Наполнив стакан пивом, Василий тут же его опорожнил и с удовольствием крякнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.